На потіху!!!

Цѣна 20 коп.

Грицько на Сцени.

Первый сборникъ малороссійскихъ куплетовъ, сценъ, разсказовъ и стихотворныхъ шутокъ

лучшихъ малороссійскихъ авторовъ: **И. Котляревскаго, М. Кропивницкаго, Т. Раевскаго, Л. Лучицкаго** и мног. друг.

КІЕВЪ.

Изданіе книгопродавца И. Т. Губанова.

1907.

Грыцько на сцени.

Малороссійскіе куплеты, сцены, разсказы и стихотворныя шутки.

Изданіе книгопродавца И. Т. Губанова.
КІЕВЪ.

КІЕВЪ
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул., № 22.
1907.

Грицько въ кіятри.

Давъ мини батько коповыкъ
На пидошву та на дратву,
А я съ дуру, якъ изъ дубу
Забрався въ кіятру.
Подвелы-жъ проклятi люды
Хотять щеголяты,
Треба самимъ подывыця,
Якъ тамъ танцюваты.
Увійшовъ, перехрестывся
На паныкадыло,
Де ны взявся солдатюго
Лусь-лусь мене въ рыло!
Роздяглы мене небого,
Ну, въ кышени рыться,
А якъ знайшлы коповыка:
„Изволте садытся“,
Скрыпачи хороше грають,
А басы—басують,
А паны сыдять мовъ сонны
Нихто не танцюють.
Чи воны вже танцювалы,
Чи воны дурилы,
Бо чортякы той причилокъ
Та зновъ заложылы.
А тамъ дали—дилинь-дилинь
Скрипкы перестaлы
Де ны взялысь вмыгъ чортякы
Стину розибралы.
Повиходылы попы,
Дяки, охвыцеры
Узялыся соби въ боки
Кажутъ: ось актеры.
А якъ выйшовъ на улыцю
На тынъ похилывся,
Де не взявся батько зъ заду
За чуба вхопывся:
Оце-жъ тобі сучій сыну
Якъ ходыть въ кіятру,
Пропиваты батьковщину
Пидошву та дратву.

Въ аптекѣ.

Въ аптеку входитъ крестьянинъ безволосый, по лицу его видно что онъ нравственно разстроенъ.

Провизоръ. Что тебѣ, мужичокъ, нужно.

Крестьянинъ. До вашоі мылости, халепа прыпучылась.

Провизоръ. Что такое?

Крестьянинъ (показывая на голову). А отъ же потруждайтесь, звольте глянуть.

Провизоръ. Что, потерялъ волосы?

Крестьянинъ. Потерявъ! Якъ-бы потерявъ, то якій-бы его катъ и жалкувавъ-бы, а то, не пры васъ кажучи погань гаспидьска объила.

Провизоръ. Вши, что-ли?

Крестьянинъ. Та де тамъ, добродію, вши, не вамъ кажучи, простисеньки мыши..

Провизоръ. Какъ мыши? что-жъ ты пьянъ былъ, что-ли?

Крестьянинъ. Якъ-бы, такъ, бувъ пьяный, а то лігъ спаты, такый, якъ скло,—трезвый значыця.

Пров. Такъ какъ-же это случилось? Разскажи.

Крестьянинъ. Въ клечальну субботу заколовъ я кабанця. Жинка моя и давай шкварыть мнясо, котре жыромъ попроростало. Жиръ увесь и стикъ. Выймаючы макитру съ печи, жинка якось споткнулась, а макитра—брыкъ... и пишовъ, значыця той жыръ и на прыпичокъ, и пидъ прыпичокъ и додолу. Отъ тобі и насмажылы чортового батька, кажу я жинци. А вона до мене: збирай, каже сякій-такый. Кинувся я збирать, та де вже зберешь его руками? Назлывавъ я прыгорщнямы у макитру, що можна було, а що вже осталось зовсімъ никчемно—я на голову, щобь не пропало, значыця, такъ надведзявъ що ажъ тече зъ головы, и щобъ було мені замисць головы чоботы вымазаты, такъ ні!..

Провизоръ. Ну?

Крест. Пишовъ ото я упоравшись спать у хыжу, у ранци вставъ тай ни гадкы, що въ мене вже волосья чортъ ма на головы, выхожу на двиръ, колы це собакы мои якъ зачнуть брехаты на мене, не вамъ кажучи, ажъ присидають та брешуть. Я до ихъ: Бровко, Рябко, такъ де тобі, не мовъ гаспидьска худоба зъ роду мене въ перше бачыть! Я у хату. Жинко, кажу. Та въ галасъ: що це зъ тобою, де це твои волосья? Я тоди за голову —лапъ: нема волосья, гола голова якъ колино. Жинко, кажу, це мое волосья? Мабудь, каже, чоловиче, мыши объилы. Отака-то кумедія вдіялась зо мною добродію.

П. Раевскій.

Тере-фере-куку.

Нема въ свити правды,
Самъ свитъ ставъ зрадлывый
Брехня скризь пануе
Та правду гальмуе!...
За гривню братъ брата,
Готовъ обидраты;
Остатню худобу,
Остатню свытыну
Грабуе, райнуе
Обдерту хатыну!...
А прыйде-жъ часъ правды,
Часъ страшного суду—
Та за таки штукы
Зададуть: „тере фере куку"!...
Бодай васъ, дивчата,
Яки вы хороши
Якъ у батькивъ вашихъ
Въ кишеняхъ е гроши.
Мы не добачаемъ,
Що вы кривобоки,
Горбати, безноси,
Ряби, кислооки...
Давайте намъ гроши
Будете хороши!...
Батьки щедри словомъ,
Та скупи на руку
Вернулысь отъ шлюбу:
„Де прыдане?"
— Прыдане? „тере-фере-куку!"
Купецъ у фабрикантивъ
Товаръ забирае,
А имъ замисяць грошей
Росписки черкае,
Де бидный не выплаче,
Винъ тамъ позычае;
И вси ему вирять,
Бачъ лавки винъ мае!
Паны и банкыры
За него въ поруку...
Прыйде-жъ часъ роспыскамъ,—
То винъ таку штуку:
— Пьятачокъ за рубъ—не хочете?
Эге—ге! „тере-фере-куку!"
Колысъ-то хтось думавъ:
Може Богъ поможе
Зберетця народу
И въ кресла и въ ложи.
Тай не поскупывся
На сее на тое—

Богъ дасть, все вернетця.
Ще може втрое!
Та грае, спивае,
Ажъ питъ съ чола льетця!..
Надивъ окуляры,
Та ще й приклавъ руку,
Глянувъ, по кіятру
Эге-ге! „тере-фере-куку!"
Насталы вже часы,
Що теперь вси классы
„Тере-фере" граютъ
И „куку" спиваютъ:
Купци, фабриканты,
Шевци, музыканты,
Адвокаты, докторы,
Найбильше-жъ актеры,
Ци на вси часы
Свистять на вси гласы!
Тяжко пидпираты
Правду и науку,
Колы у кишеняхъ:
Фью-фью-фью! „тере-фере-куку!"

М. Л. Кропивницкій.

Не любо, не слухай.

Якъ бувъ я ще парубкомъ, а дидъ тоди ще невелычкимъ бувъ, а батька ще на свити не було, то дидусь було пытаецця:

— А що будемъ, сыну, робыты? зима холодна.
То я було диду кажу:

— Пойидьмо,—кажу—дидусю, въ лисъ та нарубаемо дровъ.

— Пойидьмо такъ и пойидьмо!

А въ насъ бычечки невелычки соби булы, такъ, можна на пригирщъ було взяты. Пойихалы въ лисъ. Дывлюсь, ажъ ломачча така велика куча! Я стукъ сокырою въ те ломачча! а видьмидь звидтиля, съ того ломачча, ажъ тамъ шестеро яець. Якъ узялы мы зъ дидомъ, та дрюччами на визъ не скотылы, та вже я ледви не ледви въ шапку забравъ, таки велыки.

Ото прынисъ до дому. А въ насъ, якъ на те правда, свыня квокотала. Отъ я пидсыпавъ пидъ ту свыню, а вона и вылупила мини шисть моливъ, такъ якъ соколивъ. Тоди вже якъ узялы мы зъ дидомъ тымы воламы поле ораты та хлибъ сіяты... та и вродыло жъ добре! Выйдемъ було зъ дидомъ на поле, то те чуже, а те не наше; те чуже, а те не наше!

Якъ узялы жъ мы женцивъ збирать, такъ, Боже мій мылостивый! що то мы того женця зибралы!

ажъ одну бабу!.. Якъ понажинала вона намъ кипъ.. Боже милостывый, скилькы кипъ!

А дидъ покійныкъ и пытаецця въ мене:

— Де-жъ мы, сынку, будемъ скырты складываты? А я кажу:

— Аже жъ у насъ коминъ велыкый; то на комини ми скырты складемо, а на печи молотытымемъ.

Якъ же вклюнулась та проклята кузька мыши, та какъ же вклюнулася! А въ насъ, признацця, китъ добрый бувъ. Якъ махнувъ винъ по комену, якъ ударыть хвостомъ, а наши скырты та въ помыйницю!

А тутъ уже й батько пидрисъ. Та маты, було, все любить молоко парене, а мы все кисле. То маты, було, по селу парыть, парыть, парыть. а мы въ запичку кыснемъ, кыснимъ. А батько, правда, рыбалка добрый бувъ: кыне удочку въ чужу будочку, та й тягне колы не кожухъ, такъ свиточку.

Отъ мы й розжылысь. Такъ батько каже:

—У тебе маты вмерла, а въ мене жинка, то поставымо обидъ.

Якъ узялы-жъ, мы сбирать людей на обидъ, та съ такою умовою, щобъ була своя ложка и хлибъ, и силь. Отъ якъ найшло народу, такъ, Боже милостывый! ажъ два чоловикы. Такъ батько и каже:

— Засолымъ же оце озерце, то вы йижте щербочку, а на споди буде рыбка.

Такъ ти люде не здякувалысь.

Скризь Ярема.

Литомъ я родывся въ пивдень пры вогни,
Путны булы люды родычи мои.
Заразъ позбигалысь, попа прывезлы,
Якъ слидъ охрестылы и имня далы.

А чы вы знаете яке мужыкамъ имена даютъ? Ось яке: або Тарасъ, або Опанасъ, або Грыцько, або Стыцько, а надо мной змылосердствовалыся, далы мыни паньске, городске—Ярема!

Оце я, Ярема, га! га! га!
Ставъ я пидростаты, до школы ходывъ;
Ны разъ самъ учытели мыни говорывъ,
Каже: буде зъ тебе розумна голова,
Тильки въ твоемъ лоби олію чортъ-ма".

О тутъ я почавъ соби мырковаты невже въ тыхъ вченныхъ та мудро-письменный такій велыкій пистъ въ головахъ, что воны вси поналываны оліею? То я се задумавъ, и заспивавъ:

Оце я, Ярема, га, га, га!
Якъ пидрисъ я добре и парубкомъ ставъ,
То щобъ я женывся, батько все казавъ.

Найшлы таку дивку, якъ медъ зъ калачомъ.
Въ тыждень по висильи, втикла зъ панычемъ.

Я заразъ за нею вздогинци, та догнавъ ии ажъ въ чужому сели, тай кажу до неи, що ты дiешъ, Гапко? Ты видъ чоловика втекла! А вона мыни одвитуе: це по пански, по самый журнальный моди я це втекла. Я почувши видъ неи таку ричъ, взявъ та заспивавъ.

Оце я Ярема, га! га! га.

Я разъ десятныка въ городи спытавъ,
Дебъ видночиваты, щобъ винъ показавъ;
Глянувъ винъ на мене, зъ головы до нигъ,
Писля взявъ за комырь, повивъ на ночлигъ.

Далы мыни таку господу, що за ничъ ничого не взялы, за те якiйсь чортъ цилюсеньку ничъ такъ за потылицю грызъ, що я и ока не зажмурывъ. А якъ вже почало свитаты, годи я сивъ на викни тай заспивавъ:

Оце я, Ярема, га! га! га!

Не одному въ свити такъ мыни бува,
На кого не гляньте, болыть голова;
Кого зустрыните тай почнить пытать,
Кажный таку письню почне вамъ спивать:

И мужыкъ, и панъ, и жыдокъ, и капытанъ якъ тилько до сердца ему пидипре, то винъ и заспыва:

Оце я, Ярема, га! га! га!

Мамынный сыночокъ гуляе и пье,
Доки у кешени въ мамы гроши е,
А якъ перестане мама выдавать,
То тоди винъ мами почне такъ спивать.

Маменька, якъ не дасте грошей то пиду пидъ машыну, и зроблю: крррекъ!... тай заспива:

Оце я, Ярема, га! га! га!

Маненькiй пысака въ волости сыдыть,
Зранку до вечера все вкруги глядыть,
А якъ хто приходе, що его прохать,
То винъ таку письню почне вамъ спивать.

Воно дило не тяжке, и не трудне, можнобъ его видшукаты и зробыты, тыльки, знаете стару прыказку; що суха ложка рота дере; визьме заложе руки за пояса, тай ходе спиваючи:

Оце я, Ярема, га! га! га!

Громада до банку кассира знайшлы
Выбралы, якъ треба, зъ должность увелы.
Служывъ дуже чесно, пошты цилый рикъ
Зибравъ зъ кассы гроши, за граныцю втикъ.

А въ насъ догоняты вмiютъ, догналы его якъ разъ на граныци, такъ що одна его нога въ насъ, а друга тамъ. кажутъ ему: що ты наробывъ,

ты обикравъ кассу и съ гришьмы втикъ, и за се будешь отвичаты! А винъ соби стоить, та ще свыще, а дали засміявся, тай каже: эге, ге, ге, не я первый, не я послидный, кралы, крадуть и будуть красты! переступывъ на ту сторону, тай заспивавъ:

Оце я, Ярема, га! га! га!
Найдеця сихъ писень сотенекъ изъ пять,
Тильки я неможу багато спивать,
Бо таки найдуця, що рота заткнуть,
Заспивають письню, геть, геть, поведуть.

Воно правда, теперъ куды не прыйижай то скризь Ярема найдешъ, що спиватыме, такъ якъ и я:

Оце я, Ярема, га! га! га!
Кынувъ я хозяйство, и актеромъ ставъ
Тыхъ днивъ и не зличышъ, що я голодавъ
Весь вечоръ дереся, такъ якъ на живитъ
Хочешь повечерять! чортъ-ма чымъ платыть.

А ахтерамъ теперь виры нема, на боръ нихто не хоче даты, то посыдышъ, та полупаешъ очыма, тай потягнешъ, по вулыци голодный, спиваючы:

Оце я, Ярема, га! га! га.

Старшына.

Разъ обралы соби люде старшину. Отъ и запысавсь новый старшына; зробывсь такый пановытый, що й пидступыты до його страшно. Сыдыть якось новый сраршына на рундуци и бачыть, що хтось йиде селомъ. Погукнувъ старшына на свого небожа:

— Бижы мерщій, та спытайся, що воно за птыця така йиде черезъ мое село.

Кынувся хлопець мыттю доганяты, бижыть та гука на пройижжачого щобъ пидождавъ. Сталъ. Пидбига хлопчикъ.

— Чого тоби треба? пыта пройижжачый.

— Та нашъ новый панъ-старшына звеливъ спытаты, що вы за птыця така тутъ йидете?

— Скажы своему новому старшыни,—озвавсь пройижжачій,—що и ты дурень, и старшына—дурень.

Вернувся хлопець. Старшына пыта:

— А що?

— Та то якыйсь знайомый.

— Якъ?

— Та такъ: и васъ знае, и мене знае.

— Якъ же винъ знае?

— Та казавъ, що й вы дурень и я дурень.

Замовкъ старшына. Съ того часу вже никого не пытався.

Киівски дивчата.

Разъ пишовъ я по Киіву,
Дивчатъ розглядаты,
А теперъ прійшовъ до васъ
Щобъ вамъ розсказаты.
Отъ такіи бачъ, у насъ
Киівски дивчата.
На котору збоку глянешъ.
Скажешъ, що багата.
Все пидыймае,
Тряпкы збирае,
А въ недилю дуже рано
Моду надивае.
Тай прычепыть вона соби
Бочку зъ обручами,
Щобъ було ій пристойнише
Гулять зъ панычами.
Тай чырвонымъ чимсь такимъ
Наялозыть губы,
А которая щербата,
Зъ воску вставля зубы.
Тай начерныть вона брови,
Якъ крыла вороны,
Наялозыть соби пыку,
Нехай Богъ бороне.
А у которои давно
Кисъ своихъ чортъ мае,
Та чужіи на мотузки
Соби начипляе.
Тай позыче черевыки,
Бо своихъ чортъ мае,
А якъ выйде на музыки—
Ногу выставляе.
А якъ пиде танцюваты,
Та пидбере плаття,
Замисць билоі спидныци
Висять тыльки шмаття.
А пидъ паху визьме кныгу,—
Чи вміе чытаты?
А що дали буде зъ нею
Ничого й казаты.

Хворый.

—Що це тоби, сынашу, сталось? Чы то въ тебѣ хвороба яка гнитючка, чы що? Бо ты жъ такы ничого не йисы. Чи йивъ ты сьогодня що?

— Ни тату. Тилкы далы мини маты у ранци хлиба окрайчыкъ, та черствый дуже; отъ я хотивъ

розмочыты його у ведри зъ водою, та не влизъ—такъ я його сухимъ и згрызъ. Бильше-жъ ничогисенько не йивъ.

Збрехавъ.

— Павле! твоя кобыла плавле!
— Брешешъ, Антоне,—то жъ вона тоне

Пишлы вгору!

— Цыгане, онъ твого батька повисылы.
— О! пишлы наши въ гору!

Цыганова вира.

— Цыгане, якои ты виры?
— А тоби якои треба?

Бычокъ.

У Панаса бувъ бычокъ,
Четвертакъ, чи третьячокъ!
Тамъ такый бычокъ добрячый
И въ роботи не лелачый
Скоилась ему прычына,
Певно хтось вже такъ зробывъ,—
Що все гаспидська лычына,
Разъ у разъ хвостомъ крутывъ!
Що за диво? каже Гнатъ,
Рындычки рябои сватъ:
Де вже я не побувавъ,
Ну таково не выдавъ!
Ходывъ пидъ хуру ажъ въ Гадессъ.
Тамъ вже бачивъ всихъ чудесъ:
Малпу своими очима
Въ нимця бачивъ за плечыма!..
Выгоить взялася Приська
Мокотрущына невистка.
То-жъ вже баба на вси боки:
Чи прыстритъ, або урокы,
Чи зъ очей бува, чи зъ витру—
Визьме глекъ, або макитру,—
Коло пупа щось пошепче,
Зразу тоби и полегче!
И що вже вона не робыла!
До схидъ сонца въ лугъ ходыла,
Якесь зилля все збирала
Та шепчучы прикладала
До хвоста тому бычкови:
Добрый деготь и бочковый.

Прыкладала мьяту, руту,—
А винъ все тимъ хвостомъ круте!
На базаръ Панасъ пойихавъ.
Тилько що у городъ въйхавъ,—
Ажъ десяцькій переймае,
Куда ѣдишь ты?—гукае.
— На базаръ! Эхъ, дурноляпъ!
Та й пиднявъ вже патерыцю,
А бычокъ его по пыци
Тимъ хвостомъ, мовъ вихтемъ: ляпъ!
Прычипывся-жъ до Панаса
Той москаль, мовъ-бы репьяхъ,
Або пьяныця до квасу,—
Заразъ въ часть его потягъ!..
Ледве за рубъ лыха збувся!
Отъ Панасъ въ село вернувся,
Взявъ сокыру, якъ рубнувъ,—
Такъ хвоста и одитнувъ
По самисенькее птруте!..
А винъ и тимъ чурпалкомъ круте.

М. Л. Кропивницкій.

Салдатъ та баба.

Сыдить салдатъ, насыпае порохъ. А стара баба зроду того дыва не бачыла, та й пытаецця:

— А що то, каже, служба?

— А это икря солдатская,—бреше салдатъ: Съ энтаго у насъ, бабка выходятъ солдаты.

Тилько салдатъ зъ хаты, а баба:

— Постій-же бисовъ сыну! не дамъ я вашей икры выплужуватьcя!

Та якъ ухопыть той порохъ, та въ пичъ його. Якъ бухне винъ—такъ печи мовъ не було.

Отъ тоди баба:

— Чы не дыво-жъ зъ салдатамы? Въ икри ще салдатыня, а дывысь, що выробляе!

Вечиря.

— Вставайте, тату, вечеряты!
— А хлибъ-же е?
— Ни, нема.
— Вечеряйте-жъ дитқы, я розыспавсь.

Скилько годъ.

— Якъ же мини знаты, скількы мини годъ. Якъ родывсь, то безъ памьяты бувъ; якъ рисъ, то розуму не мавъ, а якъ уже до розуму дійшовъ, то тоди бъ то й личиты, та богацько литъ уплывло.

Заковырка.

Гарно намъ на свиті жыты,
Солодко йісты и пыты
И йиздыть въ гарныхъ каретахъ,
Пыть шампаньске на банкетахъ.
Инчій трошкы такъ пожывъ:
Дывысь и носа опустывъ.
Чого-жъ ему такъ стало гирко?
Ось тутъ, бачъ, и е заковырка.
Задумавъ нашъ староста дидъ
Жыныться на старости литъ.
Одягавъ винъ лучшу свытыну
Тай высватавъ соби дивчыну.
А якъ я спытавъ у него
Чы любыть, бачъ, жинка его
Ой, каже викъ: „братику, гирко"...
Ось тутъ, мабудь, е заковырка.
Оце я, и жинка—чорняви,
А наймить русенькій у насъ
Дывлюсь я на свого сына,
Тай думаю соби не разъ:
Чого це такій винъ биленькій
Тай такъ якъ и наймитъ русенькій
Тай кажу я жинци: ну, Зинько,
Ось тутъ, мабудь, е заковырка.

Ничого!

Одного разу ксьондзъ (пипъ католыцкій) казавъ казань (проповидь).

— Не впывайтеся,—каже,—люде, бо за це пытымете смолу на тому свити.

Гидьмы зъ костьолу (съ католыцкои церквы), а одынъ дядько у крамныцю та:

— А всыпте мени кварту смолы.

Далы йому. Выпывъ одну—погано, але-жъ недуже, выпывъ другу, розсмакувавъ, та й каже:

— Що гирка то гирка; що погана, то погана, а усе-жъ нема чого журытыся! якъ втягнецця чоловикъ, то й те буде пыты.

Дякъ.

— Дяче, дяче! чого твоя семья плаче?
— Не всимъ же спиваты!

Стрилецъ.

Якъ стрельнувъ у качку,—такъ и вбивъ. Такъ йи идолове жъ пирря: саме полетило и мьясо занесло.

Цыганивъ батько.

— Цыгане, твого батька піймалы.
— Де?
— У комори!
— Э, у комори! У комори хочь кого, то піймають. Вы ойго у степъ пустить, та піймайте.

Мудрый Грыцько.

Бувъ Грыцько мудрый
Родомъ зъ Коломіи
Тямывъ винъ добре
На философіи...
Пьятнадцать литъ псалтыръ мымрывъ,
Та все по латыни лыврывъ;
А на шиснадцятомъ
Всю оперечетомъ псалтырьку знавъ.
Цей Грыцько мудрый
До дому прыходе:
Батько на радисть
Вси сосиды зводе:
Щобъ вси Грыця запыталы:
Що винъ знае щобъ сказалы.
Грыця не пытають
Бо вси добре знають,
Що винъ фылозофъ.
Влизъ Грыцько мудрый
Для бильшого дыва,
Взявшы кныжку въ рукы,
Та въ свиняче хливо.
Тамъ, згадавшы шумъ Лаціи
Задавъ свинямъ орацію:
Свыняндусъ, аляндусъ!
Пацяндусъ, вацяндусъ.
Доктусъ фылозофъ.
Мудрость Грыцькова
Свыней излякала,
Хрюкнулы, чвякнулы,
Тай зъ хлива драла!
Яка въ жыто, яка въ просо,
Та въ пшеныцю, та въ болото,
А за ными Яцько,
А далі й Стыцько
Свыней завертать.
Бачывшы батько
Грыцькову прычыну,
Цапъ его зверху
За чесну чупрыну.
Оце тоби по латыни
Разгоняты чужи свыни,
Сирко, Рябко, цю-цю, цю-цю.

Крычи Грыцю: вацю, вацю,
Свыней завертай.
Цытьмо жъ, панове!
Цуръ, не реготатысь!
Що ця письня значе—
Треба догадатысь!
Ба такіхъ багацько въ світі
И въ губерняхъ и въ повіті,
Що умомъ лякають,
Справди-жъ стылькі знають
Якъ той философъ.

У мирового.

Судья. Крестьянинъ Григорій Бовкунъ!

Крестьянинъ. Тутечки, здеся, осьде!

Судья. Вы обвиняетесь въ томъ, что бычокъ вашъ бодалъ жену истца Хаима Гойды.

Крестьянинъ (раздумывая). Якій-же-бъ це то Богданъ? Ні ваше благородіе, мій бычокъ простый, мужицькій, значитця, и зъ роду Богданомъ не звався. то може чый другый?

Судья. Вашъ бычокъ изувѣчилъ жену еврея Хаима Гойды. (Молчаніе). Что-же вы молчите?

Крестьянинъ. Ніякъ не второпаю, що це таке за оказія?

Судья. Вашъ бычокъ побилъ рогами жену этого еврея.

Крестьянинъ. Вже й рогами! Що вже за брехлыва проклята жидова!

Судья. Перестаньте ругаться или я васъ оштрафую.

Крестьянинъ. Та якіжъ, бачъ, тамъ, рогы, де воны въ Бога взялысь, тамъ тыльки роженята ще, отъ... (водитъ вокругъ себя глазами) и показать-бо вамъ ни на чому, яки воны ты роженята. Може, добродію, ваше благородіе. бачылы у нашоі церквы на стини е Луциперъ у пеклі намалеванный, о такі точнисенько роженята и въ мого бычка.

Судья. Признаете вы жалобу справедливою?

Крестьянинъ. Та воно тошно штовхнуло зъ заду, та звынить ему, добродію, воно, може, думало що то свыня!

Судья (прочитавъ рѣшеніе). Вы должны заплатить штрафу десять рублей.

Крестьянинъ. За що-жъ це стилько, воно-жъ тилько штовхнуло?

Судья (крестьянину). Виновный грамотенъ?

Крестьянинъ. Та де тамъ добродію, воно грамотно колы воно ще корову ссе!

Судья. Вы знаете грамотѣ?

Крестьян. Ни въ ціомъ я не звистенъ (къ публикѣ), мене покійный батько и отдавалы таки до дяка та ніякъ не второпаю я тый грамоты.

Судья. Помните-жъ, что черезъ три дня вы должны уплатить своему истцу десять р. с., а теперь можете уйти.

Крестьян. (почесывая затылокъ). Це чисто лыха годына, тай годи. Прышло время, що не тилько гелятъ, а и свыней прыйдетця водыть на налыгачи! (уходитъ).

П. Раевскій.

Эней въ пекли.

Теперъ Эней ввалывся въ пекло,
Прыйшовъ зовсимъ на ыншій свитъ.
Тамъ все поблидло и поблекло,
Нема ни мисяця, ни звиздъ.
Тамъ тилько туманы велыки,
Тамъ чутно жалобніи крыкы
Тамъ мука гришнымъ не мала.
Эней съ Сывыллою глядилы
Якіи мукы тутъ терпилы,
Якая кара всимъ була.
Смола тамъ въ пекли клекотила
И грилася все въ казанахъ;
Живиця, сирка нефть кипила:
Пылавъ огонь, велыкій страхъ!
Въ смоли сій гришники сыдили
И на огни пеклысь, горилы,
Хто якъ, за вищо заслуживъ,
Перомъ не можна написаты,
Не можна и въ казкахъ сказаты,
Якихъ було багацько дывъ!
Панивъ за те тамъ мордувалы,
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очеретъ косылы,
Носылы въ пекло на пидпалъ.
Чорты за ными прыглядалы,
Зализнымъ пруттямъ пидганял ,
Колы якый зъ ныхъ пририставъ.
Огненнымъ прутямъ одыралы
Кругомъ на спыну и живитъ.
Себе що сами убывалы,
Якимъ остывъ нашъ билый свитъ.
Гарячымъ дегтемъ залывалы,
Ножамы пидъ бокы штрыкалы,

Щобъ не хапалысь умирать,
Робылы разніи имъ мукы,
Товклы у мужчиряхъ ихъ рукы.
Не важылысь щобъ убывать.

Багатымъ та скупымъ влывалы
Ростоплене срибро у ротъ,
А брехунивъ тамъ заставлялы
Лызать горячихъ сковородъ;
Яки жъ изъ роду не женылись,
Та по чужимъ куткамъ жывылысь,
Таки повишаны на крюкъ,
Зачеплени за гришне тило,
На свити що гришило смило,
И не боялося и мукъ...

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,
Панамъ, пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру твору,
Всимъ по заслузи, якъ конямъ.
Тутъ всякыи булы цехмыстры,
И ратманы и бургомыстры,
Судди, пидсудкы, пысари;
Яки по правди не судылы
Та тилько грошыкы лупылы
И обдиралы хабари.

И вси розумни фылозопы,
Що въ свити вчылысь мудровать,
Ченци, попы и крутопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать;
Щобъ не гонялысь за грывнями
Щобъ не гонялысь зъ попадямы
Та зналы церковъ щобъ одну.
Ксендзы до бабъ щобъ нержалы.
А мудри звиздъ щобъ не знымалы,
Булы въ огни на самимъ дну.

Жинокъ своихъ що не держалы
Въ рукахъ, а волю имъ далы:
По весилляхъ ихъ одпускалы,
Щобъ часто въ прыданкахъ булы.
И до пивночи тамъ гулялы,
И въ гречку де колы скакалы.
Таки сыдилы у шапкахъ,
И съ превылыкимы рогамы,
Зъ зажмуренными вси очамы,
Въ кыпячихъ сиркой казанахъ.

Батькы, яки сынивъ не вчылы,
А гладылы по головкахъ,
И тилько знай, що ихъ хвалылы—
Кыпилы въ нефти въ казанахъ
Що черезъ ихъ сынкы въ ледащо
Пустылыся, пишлы въ ни-на-що,

А после чубылы батькивъ,—
И всею сылою бажалы,
Батькы щобъ швыдче умиралы,
Щобъ имъ прынятысь до замкивъ.
И ти булы тамъ лыгомынци,
Пиддурювалы що дивокъ:
Що въ викна дралысь по драбынци
Пидъ темный тихый вечорокъ!
Що будуть сватать ихъ брехалы,
Пидманювалы, улещалы,
Покы добралысь до кинця,
Покы дивкы одъ перечосу
До самого товстилы носу
Що соромъ посли до винця
Булы тамъ купчыкы проворни
Що издылы по ярмаркамъ,
И на аршинецъ на пидборный,
Поганый продавалы крамъ,
Тутъ всякіи булы пронозы,
Перекупкы и шмаровозы,
Жыды миняйлы, шынкари,
И ти, що фыгы-мыгы возять,
Що въ баклагахъ горячый носять.—
Тамъ вси пеклыся крамари.
Палыводы и волоцюгы,
Вси зводныки и вси плуты;
Ярыжныкы и вси пьянюгы,
Обманщыкы и вси моты,
Вси ворожбыты, чародіи.
Вси гайдамакы, вси злодіи,
Шевци, кравци и ковали;
Цехы: ризнюцкый, коновальскый,
Кушнырьскый, ткацькій, шаповальскій.
Кыпилы въ пекли вси въ смоли.
Тамъ вси невырни й хрыстыяне,
Булы паны и мужыкы.
Булы шляхтняе и мищане
И молоди и старыкы;
Булы богати и убоги,
Прями булы и крывоноги,
Булы выдющи и слипи,
Булы и штатьски и военни,
Булы и паньски и казенни,
Булы міряне и попы.
Гай-гай? та ниглѣ правды диты—
Брехня жъ наробыть лыха бильшъ:
Сыдилы тамъ скучни піиты
Пысарчукы поганыхъ виршъ:
Великіи терпилы мукы:
Имъ звязаніи булы рукы.

Мовъ у Татаръ терпилы плинъ.
Оттакъ и нашъ братъ попадетьця,
Що пыше, не остережетьця,
Якый же втерпыть его хринъ?

Якусь особу мацапуру
Тамъ шкварылы на шашлыку,
Горячу мидь лылы за шкуру
И роспыналы на быку.
Натуру мавъ винъ дуже брыдку,
Крывывъ душею для прыбытку—
Чужее отдававъ въ печать:
Безъ сорома, безъ Бога бувшы,
И восьму заповидь забувшы,
Чужымъ пустывся промышлять.

Эней якъ видсиль видступывся
И дали трохы одійшовъ,
То на другее нахопывся.
Жиночу муку тутъ знайшовъ,
Въ другимъ зо всимъ сыхъ каравани
Пиджарювалы якъ у бани,—
Що ажъ кр чалы на чимъ свитъ;
Оце-то галас л справлял ч
Бо дуже вылы и пыщалы.
Писля кути мовъ на жывитъ.

Дивкы бабы и молодыци
Клялы себе и весь свій ридъ,
Клялы вси жарты, вечорныци,
Клялы и жизнь и билый свитъ;
За те имъ такъ тамъ задавалы,
Що черезъ миру мудрувалы
И верховодылы надъ всимъ.
Хоть чоловикъ и не онее,
Та колы жинци, бачышъ, тее,
Тамъ треба угодыты ій.

Булы тамъ чесни пустомолкы,
Що зналы ввесь святый законъ,
Молылыся безъ остановкы
И былы сотъ по пять поклонъ;
Якъ въ церкви мижъ людьмы стоялы,
То головамы все хыталы—
Якъ же булы на самоти,
То молотовныкы ховалы,
Казылысь, бигалы, сказалы,
И гирше де-що въ темноти.

Булы и тіи тамъ панянкы,
Що наряжалысь на показъ;
Мундрехы, хлерпкы и диптянкы,
Що продаютъ себе на часъ.
Си въ сирци и въ смоли кыпили,
За те, що жырно дуже илы

И що ихъ не страшывъ и пистъ,
Що все прокушували губы
И скалылы биленьки зубы
И дуже волочылы хвистъ.

Пеклысь тутъ гарни молодыци,
Ажъ жаль було на нихъ глядитъ,
Чорняви, повни, круглолыци,
И си тутъ мусилы кыпить,
Що замужъ за старихъ ходылы
И мышакомъ ихъ потруилы.
Щобъ посли гарно погулять,
И съ парубками поводытысь,
На свити весело нажытысь—
И не голоднымъ умирать.

Якыись мучылысь тамъ птахы
Съ куделями на головахъ,—
Си честіи, не потипахы,
Булы тендитни при людяхъ:
А безъ людей—не можна знаты
Себе чимъ малы забавляты,
Про те лышъ зналы до дверей.
Имъ тяжко въ пекли докорялы,
Смолы на щокы налиплялы,
Щобъ не дурыли такъ людей.

Бо щокы терлы манію,
А блейвасомъ и нисъ, и лобъ.
Щобъ краскою хоть не своею
Прычарувать къ соби когобъ;
Изъ рипы пидставлялы зубы,
Ялозылы все смальцемъ губы,
Щобъ пидвесты людей на грихъ;
Пындючылы якіись бочкы,
Мостылы въ пазусы платочки.—
Все жарты имъ булы та смихъ.

За симы по ряду шкварчалы
Въ роспаленихъ сковородахъ
Стари бабы, що все ворчалы,
Базикалы о всихъ дилахъ.
Все тилько старыну хвалылы,
А молодыхъ товклы та былы,
Не думалы жъ якы булы,
Ище якъ сами дивувалы:
Та зъ хлопцямы якъ гарцювалы
Та и дытынци прывелы.

Видемъ же тутъ колесувалы
И всихъ шептухъ и ворожокъ,
Тамъ жылы зъ ныхъ чорты моталы
И безъ ветушкы на клубокъ;
На припечкахъ щобъ не оралы,
У комены щобъ не литалы,

Не издылы бъ на упыряхъ,
И щобъ душу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы,
Не ворожылы бъ на бобахъ.
А зводныцямъ таке робылы,
Но цуръ ему вже и казать?
На грихъ дивокъ що пидводылы
И симъ учылысь промышлять;
Жинокъ одъ чоловикивъ кралы,
И волоцюгамъ помогалы
Рогамы людскый лобъ квитчать;
Щобъ не своимъ не торгувалы,
Того на одкупъ не давалы,
Що треба про запасъ держать.
Эней тамъ бачывъ щось не мало
Кипящихъ мученицъ, въ смоли,—
Якъ зъ кабанивъ топылось сало,
Такъ шкварылыся си въ огни.
Булы и свитськи и черныци,
Булы и дивки и молодыци.
Булы и панч и панночкы;
Булы въ свиткахъ, булы въ охотахъ,
Булы въ дульетахъ и капотахъ,
Булы вси гришни жиночкы.
Та ще булы все осужденни,
Якіи померлы теперь;
Безъ суду же палывъ пекельный
Огонь, недавно хто умеръ.
Си вси булы въ другимъ загони
Якъ-бы лошата або кони,
Не зналы попадуть куда.
Эней на першихъ подывывшись,
И о бидахъ ихъ пожурывшись,
Пишовъ въ другіи ворота.

И. П. Котляревскій.

Москаль-косарь.

Ишовъ москаль на косовыци. Иде и собачку зъ собою веде.

— Москалю, куды йдешъ?

— Касить!—веселенько каже.

— А собачку-жъ на що берешъ?

— Вотъ! Што самъ не исъѣмъ, то собачка исъѣстъ.

Вертаецця косарь—ледви ногы волоче. Не гораздъ, мабуть, косылось.

— Москалю, косывъ?

— Касилъ, чортъ меня насилъ!—и голосу не отведе.

— А собачка-жъ де?

— Исъѣлъ.

Напування.

— Напувавъ ты коня?
— Напувавъ.
— А чомъ-же въ його морда суха?
— А воды не доставъ.

Лытвинъ.

Лытвинъ бывся съ кымсь, та потимъ и росказувавъ:

— Винъ мене обухомъ, а я его лапцьемъ, лапцьомъ!... Такъ що-жъ бы вы думалы? мене повезлы, якъ пана, а винъ побигъ, якъ собака!

Красуля.

Я бувъ прежде молодецъ,
И такой-же бувъ отецъ.
Вінъ любывъ мене всіхъ больше
Выбравъ мні невисту въ Польшѣ.
Всякій хвале, що гарненька,
Хромонога и крывенька,
Лепетуня та заика,
Соби ростомъ невелыка!
Краще въ Польши нема ей
Колокольчикъ всегда зъ ней,
Она ходыть и грымыть
И карманомъ шевелыть,
Лыце плоско, якъ лопата..
Сама тонка и горбата,
И приданнее велыко:
Мочала та старе лыко,
Та потаскана рогожа
Та коровья стара кожа.
А грошей всего два злота.
Що-жъ женысь, въ кого охота!
Дуже жизнь буде хороша
Якъ зостанеся безъ гроша.

Чужи ноги.

Ишовъ пьяный цыганъ зъ ярмарку у новихъ чоботяхъ, упавъ на шляхъ та й заснувъ. Покы винъ спавъ хтось уже й знявъ чоботы. Прокынувсь винъ, протеръ очи, позихнувъ, глянувъ на ногы разъ, друге:

— На мои се,—каже,—ногы, хочъ якъ не мои. Бо жъ мои въ чоботяхъ булы, а си безъ чобитъ

Ночлегъ въ лѣсу.

Двѣнадцать часовъ темной ночи. Мужикъ ѣдетъ съ евреемъ одноконкой черезъ лѣсъ. У нихъ утомилась сильно лошадь. Мужикъ останавливается и говоритъ:

— Якъ соби хочешь, Гершко, а я дальше не поиду; будемъ тутечкы ночувать: кобыла пристала!

— Якій ты дуже разумный! Вотъ видризавъ штуку! Ночевать по самое середыне лиса?!

— А ты якъ хотивъ? Щобъ я соби кобылу зовсимъ знивычывъ? Та чортъ тебе беры: я и грошей твоихъ не хочу и не поиду!...

— Ну... ну... ну... Мыколе!... Май розумъ!.. Я также, шлава Богу, челавѣкъ вразумительный: якъ не можна, то не можна—що жъ робыть? Будемъ вже тутъ ночевать!...

Мужикъ выпрягаетъ лошадь и даетъ ей кормъ. Еврей сидитъ на возу. Спустя немного спрашиваетъ:

— Куме Мыколе?

— Чого?

— Чы вы не знаете, тутечки въ лиси нема часомъ вовка?

— О-ой-ой... чому нема!

— Ждиправди?!

— А дежъ йому бильшъ сыдиты, якъ не въ лиси?

— Куме Мыколе, вы соби шуткуете, а мени ей Богу штрашно...

— Чого страшно? Не бійся, не зъисть: винъ жидивского мяса не любить!

— Ой-ой-ой, чому не любыть? Адже зъивъ мойе козочка въ прошло пятнице,—остався тилько хвостикъ и шертынке трошке.

— Ну, то теперъ не бійся: якъ тилько твою козу зъивъ то тебе вже певне не рушить.

Мужикъ легъ спать на землѣ, возлѣ воза; еврей погодя немного опять спрашиваетъ:

— Куме Миколе?

— Чого тоби?

— Чы вы не чуете?.. Ждается ходить...

— Хто ходыть?

— Вовкъ...

— Нехай тоби бисъ зъ твоимъ вовкомъ: тилько що задримавъ, а винъ и разбудывъ!—А ты чувъ, якъ собаки брешуть?

— Чому не чувъ?—скилько разъ!..

— Ну, а самъ брехать уміешъ?...

Ой... ой... ой... чому ни?..
А ну, попробуй!..
—Эврей начинаетъ лаять по-собачьи.
— Ну, такъ не бійсь: сыды тильки на вози та бреши, то винъ ни за що не пидійде.

Еврею цѣлую ночь постоянно казалось, что подходитъ волкъ, и онъ промежутками лаялъ, а мужикъ спалъ. Чуть свѣтъ мужикъ просыпается. Еврей его спрашиваетъ:

— Куме Мыколе? А що, чы я добре брехавъ.
— Дуже добре, дуже добре... тры разы пидходывъ, але ты якъ забрешишь, то винъ думавъ, що тутъ багацько собакъ—такъ побоявся, а то бувъ бы чисто поивъ и насъ и кобылу!

(Еврей сердито).—Щобъ ты, лыхо мами твоій такъ не ждохъ по тій правди, якъ ты чувъ! ты, прахвостъ, храпывъ цилу ночь якъ той каторжныкъ? Ты знаешь пословице: „нанявся—продався“ то ты повиченъ бувъ брехать, а не я. Отъ що!..

Дмитріевъ.

Материна наука.

Навчыла мене покійна маты: „Не радій сыну, чарци“—такъ я й доси ійъ слухаю: якъ дійде до рукъ чарка, я скоренько іи выпью и виддамъ заразъ—ни трохы іи не радію... хай ій цуръ!

Розумна баба.

Иде баба на базаръ. Йиде чоловикъ:
— Сидай, бабо, пидвезу тебе!
— Та николы, шыночку, треба йты!

Швачка.

— Шыешъ, дивонько?
— Шыю!
— А пороты скоро будешь?
— Та ось тилькы ныточку дошыты, то й поротыму

Изданіе И. Т. Губанова.

Кіевъ, Подолъ, собств. домъ.